

Вершиитель

Илюса

Марина Адлер

18+

Марина Адлер
Вершитель хаоса

«Автор»

2026

Адлер М.

Вершитель хаоса / М. Адлер — «Автор», 2026

Темная «Алиса в Стране чудес» для взрослых, где Чеширский кот вовсе не такой, каким мы привыкли видеть его в сказках...Элис никогда не верила в сказки. Девушка живет реальной нелегкой жизнью: работает официанткой, воспитывает младшего брата-подростка и мечтает о карьере в балете. Но в один вечер, когда жизнь только начинает налаживаться, ее брат совершает роковую ошибку — связывается с опасными людьми. Спеша на помощь, Элис попадает в закрытый клуб на окраине Лондона, где встречает мистера Хаоса — загадочного незнакомца с притягательной, но смертоносной аурой злодея. Она думает, что сможет отыграть долг брата в покере. Но еще не знает, что вот-вот пересечет границу между реальностью и сказкой. А незнакомец окажется ее худшим ночным кошмаром и мечтой в одном лице, утаскивая Элис когтистыми лапами в Страну чудес без шанса на спасение.-----ГТовы ли вы устоять в кроличью нру, из котрой нет взрата?

© Адлер М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Мечты, как зеркало - разбиты	5
Плейлист:	6
Глава 2. Вход в хаос	10
Глава3. Карты судьбы	14
Глава 3. Карты судьбы	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Марина Адлер

Вершитель хаоса

Глава 1. Мечты, как зеркало - разбиты

Для девочек, которые любят игры на выживание, необычных мужчин (очень необычных мужчин) и немного страшные сказки с хорошим концом...

Плейлист:

The Willian Musisic - Forewer Yours
Shadow Muse - Kneels for you
Essecer - Кукловод
Essecer - Лабиринт теней
Essecer - Часовщик
Taylor Swift - The Fate of Ophelia
Tomme Profitt - Daylight
Teddy Thomas - All i Do
Danny Elfman - Alice`s Theme

Свет софитов режет глаза, но я привыкла. Привыкла к этому ощущению, когда сцена становится твоей второй кожей, когда музыка течет в венах вместо крови. Сегодняшний вечер должен изменить всё. Я чувствую это, как чувствую бешеный ритм биения своего сердца под грудиной.

Стоя за кулисами, поправляю ленты пуант. Мои пальцы дрожат — не от холода, а от предчувствия. Где-то в зале сидит продюсер из Нью-Йорка. Новая жизнь. Новые возможности. Алекс больше не будет есть лапшу из дешевого китайского ресторана третий день подряд. Я смогу дать ему нормальное детство. Или хотя бы то, что от него осталось. Рядом со мной суетятся другие танцовщицы. Их шепот раздражает, как комариный писк.

— Говорят, он сам выбирает таланты, — шепчет Мария, девушка с острыми чертами лица и еще более острым языком. — Именно я ему понравлюсь. А контракт подпишу прямо в здесь, за кулисами или в гримерке. — Она злобно смеется и смотрит прямо на меня, ожидая реакции. Другие девушки столпились возле нее и ехидно насмеваются, вторя заводиле.

— Не слушай её, — говорит Софи, касаясь плеча. — Ты лучшая среди нас. И ты это знаешь. Я помню, как тебе необходимо это место, контракт, новая жизнь.

Я улыбаюсь ей с благодарностью. Софи единственная никогда не сторонила меня в школе современного танца, всегда поддерживает. Единственная знает о трагедии в прошлом и о том, что едва свожу концы с концами, при этом заботясь как единственный опекун о несовершеннолетнем брате. А еще она не хочет переезжать так далеко, не рассматривает возможность, которая так манит остальных. И я рада этому. Конкуренция не грозит разрушить нашу дружбу.

Мысли вновь улетают к проблемам. На счету осталось ровно столько, чтобы прожить месяц. Может быть, полтора. Работа в кафе позволяет заработать копейки, а танцы — это моя единственная надежда. Моя стихия. Единственный способ не потерять квартиру, не отправить Алекса в государственное учреждение, последовать за своей мечтой. Здесь платят больше за выступления, здесь оказалась и вовсе словно случайно. До сих пор не верю, что меня взяли, отобрав на сложном конкурсе.

Мой телефон звенит в сумке, спрятанной в гримерке. Далеко, едва слышно с такого расстояния и из-за звуков, доносящихся со сцены, где выступают другие девушки. Я почти не обращаю внимания. Вероятно, это звонит кто-то с работы, чтобы напомнить о завтрашней дополнительной смене. Но потом знакомая песня знаменитой рок исполнительницы звучит снова. Голос Эванесианс сглаживает углы тревоги, но не настолько, чтобы не обращать на нее внимания. Снова долгий звонок, девушки смотрят на меня с укором, за то, что забыла поставить телефон на беззвучный. Что-то начинает щемить в груди.

Понимаю, что до моего выступления еще есть время и быстро бегу по коридору к гримерке. Войдя, подхожу к своему ящичку, вытаскиваю телефон из сумки. На экране — Алекс. Мой маленький, не совсем маленький уже, но младший брат, которого привыкла считать

маленьким, хоть он и вымахал на голову выше меня. Ему семнадцать. Он должен быть дома, делать уроки после смены в подобном кафе, каком подрабатываю и я. Вместо этого он звонит в разгар выступления. Он знает, как это для нас важно.

Я беру трубку.

— Алекс? Что случилось? Я же сказала: сегодня звонить только в экстренном случае, — мой голос звучит тверже, чем хотелось бы. Нервы сдают.

На другом конце линии — дыхание. Тяжелое, испуганное дыхание. Внутри все проседает от ощущения опасности. Я знаю брата, и понимаю еще до первого произнесенного им слова, что что-то случилось.

— Лис, я... — голос брата дрожит. — Лис, мне нужна помощь. Я вляпался. Я по уши в дерьме, и я не знаю, что делать. Прости меня! Не знаю, или ты сможешь меня простить!

Мой желудок сворачивается в узел. Уже ясно понимаю, что брат на самом деле попал в беду.

— Алекс, говори толком. Что произошло?

— Я проигрался. В покер. Я думал, что смогу выиграть, что смогу вернуть деньги, которые я взял из твоего ящика, но я только проигрывал и проигрывал, и теперь...

Голос его обрывается. Я слышу, как кто-то отнимает у него телефон. Звук борьбы, испуганный возглас Алекса.

— Алекс!

Но вместо голоса брата в трубке вдруг слышу другой голос. Мужской. Спокойный, почти ласковый, как шоколад, который скрывает в себе яд. Этот голос пробирает меня до костей.

— Мисс Элис? Как приятно с вами познакомиться, хотя и таким образом. Ваш брат, очень милый мальчик, кстати, должен мне деньги. Довольно крупную сумму.

— Кто вы? Что вы сделали с моим братом?

— Зовите меня просто — мистер Хаос, этого будет достаточно. С ним всё в порядке. Пока. Он просто помогает мне убедить вас в серьёзности ситуации. Вам нужно приехать в один клуб. Сейчас же. Адрес я вам отправлю смс. Когда вы войдете, скажите охраннику кодовую фразу: «десять шиллингов и шесть пенсов». Он вас пропустит.

Я морщу лоб, запоминая все возможные детали. Странная фраза. Это старая британская валюта, которую давно отменили. Почему именно это? Очень странное прозвище, чтобы скрыть настоящее имя. Дело пахнет глубокой задницей и в нее встрял мой родной брат. «Черт, черт, черт!» - Я выдыхаю и сажусь на стул возле зеркала, утихомиривая взбесившиеся нервы.

— Сколько? — спрашиваю я, хотя и боюсь услышать ответ.

— Оговорим на месте. Я вас очень жду, — лукаво произносит незнакомец. — Но ваш брат ждет еще больше, полагаю. — Пауза, мужчина порывисто выдыхает в трубку. — И да, мисс Элис, надеюсь вы понимаете, что вы должны быть одна. Никаких выходов. Возможно, мы сумеем оговорить все и прийти к взаимовыгодному соглашению без лишних жертв.

На фоне слышатся крики Алекса. Комната начинает кружиться. Я понимаю, насколько все серьезно без лишних предупреждений. Звонок обрывается, встаю, уставившись в экран телефона. Мои руки трясутся. Где-то вдалеке слышен голос ведущего, который зовет меня на сцену. Мне нужно выступать. Мне нужно танцевать перед продюсером. Мне нужно получить этот контракт. Но Алекс. Мой Алекс. Я должна выручить брата. Он просто глупый наивный мальчуган... Нет ничего важнее брата.

Я беру сумку, вытаскиваю вещи, быстро натягиваю свое светлое платье, белые носки, берцы, кошу и распускаю темные кудрявые волосы, которые не успеваю расчесать. Просто надеюсь на то, что они слишком короткие, длиной всего чуть ниже плеч, и причешу их пальцами по пути, чтобы выглядеть опрятно, скрывая сколько на них воска.

Темную бордовую помаду и сценический грим решаю оставить, хоть сегодня он уже не понадобится. Софи прибегает, чтобы поторопить меня и замирает, смотрит с удивлением. В голубых глазах подруги мелькает удивление, затем понимание и грусть. Она осознает, что случилось нечто страшное лишь по выражению моего лица.

— Элис? Ты куда? Твой номер!

Я не отвечаю. Я просто подхватываю сумку за кожаный ремешок и бегу. Слезы катятся из моих глаз, когда ловлю такси на улице. Мне до чертиков не хочется покидать концертный зал. Не хочется терять возможность, о которой так долго мечтала. *Но я должна.*

Такси едет по вечернему Лондону, а я сижу на краю сиденья, вцепившись в ремень безопасности. Город мелькает в окне размытыми пятнами огней и теней построек. Дождь сделал улицы блестящими и унылыми. Окно машины приоткрываю, чтобы не задохнуться ядами жизни. Уличный воздух охлаждает разгоряченное лицо, пахнет озоном и сыростью опавшей листвы. Темнокожий водитель смотрит на меня в зеркало заднего вида с сочувствием.

— Тяжелый день или неразделенная любовь? — спрашивает он с акцентом.

Я не отвечаю, просто киваю ему и смотрю в экран телефона. На сообщение, которое пришло. Адрес в Ист-Энде, в той части города, где почти никогда не бывала. Старый Лондон, окраина. Мама запрещала бывать там одной. И это въелось в память навсегда. После смерти родителей, их ежедневные советы обрели иной смысл, становясь святыней.

Горький ком утраты и горя падает мне в желудок, когда тяжело сглатываю, вспоминая об аварии. Стараюсь дышать, не думать о плохом весь путь. Смотрю в окно и вижу, что мы подъезжаем к указанному адресу. Это переулок, узкий и темный, зажатый между старыми кирпичными зданиями. Фонари мерцают, словно вот-вот погаснут. Быстро расплачиваюсь с водителем наличкой и выхожу из машины. Видно, что мужчина переживает за меня, но не лезет не в свои дела. Просто трогается и уезжает.

Переулок пахнет сыростью и помойкой. Мочой? Может быть и чем-то похуже. Место действительно злачное. Иду вперед быстрее, чтобы миновать выстроившиеся в ряд у одной из стен домов мусорные баки. Лужи отражают свет фонарей, как маленькие зеркала. Я иду по переулку, прислушиваясь к каждому звуку. К каждому шороху.

Страшно. Очень страшно...

Дергаюсь от неожиданности, когда в меня ударяет поток ветра. Немею от ужаса, ведь это... Слышу шепот. Прямо над ухом. Кто-то шепчет мое имя.

— Элис... — Четко ощущаю чье-то горячее дыхание на своей щеке.

Резко оборачиваюсь, но переулок пуст. Совершенно пуст. Ни одной живой души. Только я, ветер и темнота. *Показалось...* Из груди вырывается вздох облегчения. Сердце с грохотом отзывается в груди.

— Это ветер, — говорю я себе. — Просто ветер между зданиями. Просто мое воображение, разыгравшееся от страха. *«Я не схожу с ума. Я не схожу с ума»*, — Прижимаю пальцы к вискам и пытаюсь сконцентрироваться на случайном рисунке на стене здания: граффити в виде колоды карт. Ярко-красные и черные краски, масти карт. Это, должно быть, своеобразный указатель к нужному месту. Подсказка. Становится легче, я почти у цели.

Внутри понимаю, что это был не ветер. В воспоминаниях вновь картинки прошлого: кошмары, таблетки, врачи, авария, гибель родителей. Я продолжаю идти, прижимаясь к стене и мысленно обещая себе, что непременно отдохну и схожу к своему доктору. Обязательно возобновлю курс лечения и избавлюсь от кошмаров, бессонницы. Стану заботиться о себе больше.

Ищу клуб глазами, но вижу только закрытые двери и разбитые окна подворотни. Достав телефон, звоню Алексу.

Трубку, конечно, берет он. Мистер Хаос. Его голос звучит почти весело.

— Мисс Элис! Вы уже прибыли? Как быстро. Я впечатлен.

— Где мой брат? — спрашиваю я, стараясь, звучать твердо.

— Ваш брат в безопасности. Пока. Но вам нужно поторопиться. Мое терпение не бесконечно, хотя я уверен, что оно намного обширнее, чем ваши возможности. — Смеется он.

— Я не знаю где этот клуб. Адреса недостаточно. — Стараюсь не реагировать на очевидный сарказм.

— О, вы найдете его! Ищите ржавую дверь. Железную. Очень старую. Вы её узнаете, когда увидите. Скажите охраннику кодовую фразу, и вас пропустят.

— Почему именно эта фраза? Почему десять шиллингов и шесть пенсов?

Он смеется. Его смех звучит как разбивающееся зеркало. И как разбивающиеся мечты.

— Потому что это цена, мисс Элис. Цена входа в мой мир. Цена, которую платят те, кто хочет спасти то, что им дорого.

Звонок обрывается. Я стою в темном переулке, с телефоном в руке, и понимаю, что только что согласилась на что-то страшное.

Я вижу её. Дверь. Ржавую, железную, почти невидимую в темноте. Она такая, словно её никто не открывал столетие. Краска облезла, обнажая ржавчину, которая выглядит как кровь, высохшая на металле. Подхожу и стучу.

Глава 2. Вход в хаос

Железная дверь звучит под моим кулаком с глухим эхом, который разносится по переулку и тут же поглощается влажным воздухом лондонской ночи. Я дрожу — не от холода, хотя октябрьский ветер пробирает насквозь, а от страха и адреналина, который бушует в крови. Мое сердце колотится так быстро, что я боюсь, оно может сбежать из груди напрямик в горло.

Дверь приоткрывается, и передо мной предстает громила — высокий, широкоплечий мужчина с лицом, которое выглядит так, будто его много раз переламывали и собирали заново. Его серые маленькие глаза холодные, безразличные. Он смотрит на меня сверху вниз, потирая лысую голову рукой, оценивая, словно я какой-то товар на рынке.

— Я... я ищу клуб, — выдавливаю из себя, стараясь говорить уверенно, хотя голос дрожит. — Мне нужно войти.

— Пароль, — бросает он коротко, не двигаясь с места.

Я вспоминаю слова того человека, мистера Хаоса, и произношу их, чувствуя себя идиоткой:

— Десять шиллингов и шесть пенсов.

Что-то мелькает в его глазах — признание? Уважение? Или просто скука? Он отступает в сторону, широко распахивая дверь.

— Проходи. Тебя ждут в комнате номер семь. Вверх по лестнице, направо, в конце коридора.

Я киваю, не доверяя своему голосу, и переступаю порог.

Внутри клуба царит полумрак, пронизанный красноватым светом неоновых ламп. Музыка — если это вообще можно назвать музыкой — обрушивается на меня волной. Это не мелодия в привычном смысле. Это скорее хаотичный перелив звуков, диссонирующих нот, которые словно бы танцуют в воздухе в полном беспорядке. Я знаю музыку, я танцую под музыку всю жизнь, но это... это что-то совсем другое. Это раздражает мой слух, заставляет нервничать еще больше.

На танцполе движутся люди. «Или это не люди?» — закрадывается в голову безумная мысль. Их лица размыты, словно я смотрю на них сквозь грязное стекло. Их тела извиваются в странном, неестественном ритме, не совпадающем с музыкой, которую я слышу. Или они танцуют под совсем другую музыку? Под музыку, которая слышна лишь им? Мне становится дурно от этого зрелища.

Я прижимаю руку к груди, стараясь успокоить дыхание, и начинаю пробираться сквозь толпу. Мои ноги, привыкшие к грациозным движениям, ощущаются тяжелыми, шаги неловкими. Я натываюсь на людей, извиняюсь, хотя они даже не замечают меня. Их внимание полностью поглощено этой странной музыкой, этим странным танцем.

Запах в клубе — смесь дыма, дешевого парфюма, пота, нечто металлическое витает в воздухе, навевая дурное предчувствие, ощущаясь почти как кровь, которую где-то пролили на полу во время драки. Я морщусь и ускоряю шаг. Лестница, ведущая наверх, узкая и крутая. Перила липкие. Предпочитаю не думать о том, от чего они таковы. Свет здесь еще более тусклый, и я почти наощупь пробираюсь на второй этаж. Коридор, как и обещал охранник, тянется передо мной вереницей одинаковых дверей. Здесь освещение уже лучше, но все равно недостаточное для отличного обзора. Лампочки кое где мигают. Двери располагаются по обе стороны от меня, номера на них выцветшие и едва различимые.

Комната номер семь находится в конце коридора. Остановившись перед ней, собираюсь с духом. Мои руки дрожат. Я сжимаю их в кулаки, стараясь выглядеть хоть немного собранной. Стучу, хоть и понимаю, что внутри меня не ждет ничего хорошего. Но ради брата беру себя в руки.

— Входи, — раздается голос изнутри. Тот самый голос. Голос мистера Хаоса.
Я открываю дверь.

Комната погружена в полумрак. Единственный источник света — настольные лампы с зелеными абажурами на столах, которые отбрасывают кривые тени на стены. Мебель дорогая, но мрачная: темное дерево, кожаные кресла, почти черные. На полу ковровое покрытие, а потолки низкие, темные, как и темно-зеленые стены большого помещения. На столах разложены карты, лежат стопки денег, стаканы с виски стоят на подносах, фишки разбросаны. Люди странные. Мужчины и женщины сидят вокруг столов для покера, играют, покуривая сигары, даже не смотрят в мою сторону, словно специально. Их лица я вижу лучше, чем лица танцоров внизу, но они все равно кажутся мне какими-то нереальными, словно они персонажи из сна. Кажется, дым в этом клубе не совсемобычный, как и сигары в руках присутствующих, но это лишь моя догадка. Только ей и объясняю происходящее.

Мой взгляд сразу же находит Алекса, как только его выводят двое охранников из-за ширмы в дальнем углу зала. Моего брата сажают на простой деревянный стул, а он безропотно слушается. Лицо бледное, почти зеленоватое при этом странном свете. Светлые кудри растрепались и падают на лоб. Синие глаза испуганные, красные от слез. Когда он видит меня, его лицо искажается еще больше. Смесь стыда, облегчения и отчаяния искривляют красивое лицо брата.

— Элис! — выдыхает он, пытаясь встать, но мужчина рядом кладет ему руку на плечо, удерживая на месте.

Я делаю шаг в комнату, и тут мой взгляд падает на человека, который сидит за покерным столом прямо в центре зала. Это мистер Хаос. Я сразу узнаю его по исходящей от мужчины ауры власти. Он молод — не более тридцати лет, может быть, даже моложе. Лет двадцать семь на вид, даже при этом ужасном освещении. Его волосы темные, короткие, почти черные, но челка длиннее и падает ровными рваными прядями на лоб и глаза. Лицо красивое, но холодное, словно вырезанное из камня. Пухлые губы словно не подходят такому лицу, взгляду, острым чертам, делая его несколько мягче. Рот искривляет едва заметная ухмылка с острыми уголками, когда он смотрит на меня. Глаза — самое примечательное в нем. Они выведены темным как у рок-исполнителя, не умаляя его мужественности, но делая взгляд глубже, темнее. Еще опаснее... Серо-синие, почти неопределенного в этом свете цвета, в них горит какой-то странный огонь, когда он смотрит на меня. Я чувствую, что он видит не только мое тело, но и мою душу, мои мысли, мои страхи.

Неосознанно сминаю в руках юбку своего короткого светлого платья в розовый цветочек, и мужчина сразу замечает этот жест. Его веселит такая очевидная робость. Или, возможно, одежда. Он улыбается. Эта улыбка холодная, хищная, наверняка как улыбка акулы перед тем, как та кусает добычу. И хоть мужчина красив, в общем смысле этого слова, но есть в нем что-то отталкивающее. Это опасность. Он буквально источает угрозу.

— Элис Харрингтон, — говорит он, произнося мое имя настолько мурлычаще, будто шепчет важное заклинание. — Наконец-то мы встретились лично. Я рад видеть, что ты так быстро откликнулась на мой призыв.

Его голос гладкий, приятный, почти музыкальный. Но под этой лживой манящей низостью бархатистого тембра я слышу нечто еще — что-то древнее, опасное, нечеловеческое, как бы абсурдно эта мысль сейчас не звучала в моей голове.

— Отпустите моего брата — приказываю, стараясь говорить твердо, хотя внутри вся холодею от страха. — Что ты с ним сделал? Как мог войти в такое место несовершеннолетний?

— С ним? — переспрашивает мистер Хаос, кивая подбородком на Алекса, словно это забавляет его. — Я ничего с ним не делал. А мои люди не няньки, проверять каждого на совершеннолетие. Твой брат сам пришел в мой закрытый тайный клуб, сам сел за стол для покера, сам начал играть. *И сам проиграл.*

Он определенно делает акцент на последних словах, затем встает из кресла и медленно подходит ко мне. Каждый его шаг размеренный, грациозный, намеренно медлительный, как движения хищника. На незнакомце бордовая шелковая, рубашка. Она слегка небрежно расстегнута на широкой груди, рукава закатаны до локтей, обнажая руки. На сильной шее тату в виде неизвестных моему глазу символов, тянущихся по кругу. Черные кожаные брюки облегают узкие мужские бедра и заправлены в ботинки с тяжелой подошвой. Намеренно отмечаю каждую деталь его внешности, чтобы позже описать полиции, если что-то выйдет из-под контроля. *Контроля, которого у меня и вовсе нет в данном положении.*

— Он должен мне тридцать тысяч фунтов, — чеканит незнакомец. — Это немалая сумма. Для обычного человека — это целое состояние. Для твоего брата, похоже, просто забава. Он пришел и сказал, что достаточно взрослый, чтобы играть. Достаточно состоятелен. А после того, как проигрался, выяснилось, что я имею дело с семнадцатилетним подростком.

Я медленно закрыла глаза. Наверняка Алекс хотел для нас лучшей жизни. Нужда толкнула к отчаянным действиям. «Дурак» — глянула на брата, и тот прочел по этому взгляду мысль. Снова опустил глаза от стыда, понимая, что загнал нас обоих в еще худшее положение за один единственный вечер. А ведь все только начало налаживаться...

— Тридцать тысяч? — выдыхаю я. Это больше, чем я зарабатываю за год. Это больше, чем остаток наших сбережений. Это невозможно.

— Да, — подтверждает мистер Хаос, остановившись передо мной. Он гораздо выше, и я вынуждена немного запрокинуть голову, чтобы смотреть ему в глаза, хоть и сама довольно высокая для девушки. — Но я человек справедливый. Готов предложить тебе сделку.

— Какую сделку? — спрашиваю настороженно, боясь услышать ответ. Я знаю, что люди, подобные этому мужчине, не предлагают справедливые сделки. Они предлагают сделки, которые выгодны только *им*.

Мистер Хаос улыбается еще шире.

— Твой брат может уйти отсюда свободным. Я не трону его. Но взамен ты останешься здесь. Со мной.

Комната начинает кружиться. Я чувствую, как кровь отливает от лица.

— Что? В каком смысле? — шепчу, едва дыша.

— Ты слышала меня, Элис, — говорит он спокойно. — Ты останешься здесь. Со мной. На столько, насколько потребуется.

— Нет, — отвечаю, отступая.

Уже рисую перед собой то, что наверняка задумал этот извращенец, как раз облизывая нижнюю губу под которой виднеется пирсинг. Серебряная сережка чуть блестит, как и самовольные глаза мужчины, как и его язык, мелькнувший и сразу спрятавшийся во рту. Мельком отмечаю, что у мужчины есть серьги и в ушах: едва заметные в тусклом освещении серебряные колечки. их я не считаю. Смотрю вновь в глаза мистера Хаоса. Он забавляется, пугая меня, а я продолжаю на всякий случай запоминать все мелкие отличительные черты его внешности. Он напоминает очень темного Джокера сошедшего напрямую с игровой карты, или Чеширского Кота.

— Нет, я не согласна. Я найду деньги. Я работаю, я... я...

— Ты официантка в дешевом кафе, — перебивает он, и его голос становится еще холоднее. — Тебе потребуется несколько лет, чтобы заработать триста тысяч. А может быть, и больше. Я не готов ждать.

Судорожно бросаю взгляд на Алекса. Мой брат выглядит так, словно вот-вот потеряет сознание. Его губы шевелятся в беззвучной попытке уберечь, отговорить соглашаться. *Поздно.*

— Или, — продолжает мистер Хаос, поправляя ворот рубашки, — ты можешь согласиться на мое предложение. Ты останешься здесь, будешь работать на меня, и через несколько

месяцев долг будет погашен. Твой брат уйдет отсюда сейчас же и больше никогда не увидит меня.

— Работать? — переспрашиваю я. — Что ты имеешь в виду под словом «работать»?

Его улыбка становится еще шире, и я вижу его ровные зубы... Нет — клыки. Белые, острые, почти как у хищника.

— Это зависит от тебя, Элис, — говорит он. — Ты танцовщица, не так ли? Твой брат рассказал. У нас было время обсудить его единственного спасителя. Можешь танцевать в моем клубе. Вип ложа содержит танцы определенного характера, но можно устроиться и гоу-гоу танцовщицей. Вариант как раз для тебя. Или...

Он делает паузу, позволяя мне вообразить, чем может быть это «или». Стать танцовщицей стриптиза уже не выглядит такой страшной перспективой на фоне этого.

— Или я могу найти для тебя другую работу, — заканчивает он. — Все зависит от того, насколько самоотверженно ты готова сотрудничать.

Я чувствую, как мой мир рушится. Несколько часов назад я была на вершине счастья — передо мной открывались двери в Америку, в большую карьеру, в новую жизнь. А теперь я стою перед выбором: либо я остаюсь здесь, в этом клубе, с этим странным, пугающим человеком, либо соглашаюсь работать на него месяцами, либо оставляю Алекса в руках людей, которые, похоже, готовы сделать с ним что угодно. Я быстро понимаю — это не выбор. *Это ловушка.*

Я смотрю на мистера Хаоса, и в его глазах вижу что-то, что заставляет мою кровь замерзнуть. Это не просто жестокость. Это нечто древнее, более глубокое. Это что-то нечеловеческое.

— Я согласна, — отвечаю тихо. — Я согласна на твое предложение остаться.

Мистер Хаос кивает, словно это было именно то, что он и ожидал услышать. А я не знаю даже, что именно меня ждет. Только подозреваю.

— Отлично, — говорит он. — Тогда добро пожаловать в мой клуб, Элис!

Глава 3. Карты судьбы

Охрана тут же отпускает Алекса, когда соглашаюсь. Теперь он им ни к чему. Я буду платить за ошибки брата. Но Алекс не спешит уходить. Смотрит на меня растерянным, умоляющим взглядом.

— Иди домой и жди меня там. Достаточно с меня твоих выходок, — приказываю брату намеренно с некоторой злобой, чтобы оттолкнуть, не позволить ему задержаться здесь.

И Алекс быстро покупается на мою ложь. Кивает, опускает голову и спотыкаясь, идет к выходу. Я же с облегчением пропускаю сквозь губы тяжелый выдох. Мистер Хаос с широкой острой ухмылкой наблюдает за происходящим, за мной. В его взгляде я вижу впервые нечто человеческое. Одобрение? Гордость? Уважение? Я же готовлюсь к худшему. Что он собирается взять с меня, если денег нет и вряд ли появятся в ближайшее время? Тело? Свободу? Или один из моих органов? Я уже верю во все, что угодно. По этому человеку видно, что он способен на все, что угодно.

— Итак, Элис, — говорит мистер Хаос, снова возвращаясь к своему прежнему месту, вальяжно садится, откидываясь в кресле, — давай обсудим условия. Тридцать тысяч фунтов — это много. Но я человек, как уже говорил, справедливый. И сперва дам тебе шанс отыгаться.

Я окидываю самоуверенного мерзавца тяжелым взглядом. Сердце колотится в груди как пташка в клетке, но я стараюсь выглядеть спокойной. Он мог бы просто отпустить меня. Но жалость определенно не его конек. Все эти его игры в благородство лишь громкая бравада на пути к моей гибели.

— Какой шанс? — спрашиваю я, хотя уже понимаю, что будет дальше.

— Сыграй со мной в покер, — говорит мистер Хаос, улыбаясь той самой хищной улыбкой. — Если выиграешь, долг Алекса аннулирован. Вы оба уходите отсюда свободными.

Я медленно выдыхаю, не веря ушам. Пару раз непонимающе моргаю. Это звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой. Но у меня нет выбора. Я не могу заработать тридцать тысяч фунтов. Я не могу оставить Алекса одного. Неизвестно на что способен этот мужчина, насколько влиятелен и просто сумасшедший. А может быть... может быть, мне повезет?

Нет. Не может быть. Но я должна попытаться.

— Я согласна, — говорю спокойно, утаивая козырь в рукаве.

Мистер Хаос кивает, и один из его людей приносит колоду карт. Новую, запечатанную. Охранник вскрывает её прямо передо мной, и я вижу, как карты распечатываются. Хорошо. По крайней мере, нет очевидного мухлеза. Пока.

— Правила простые, — объясняет мистер Хаос, пока его люди подходят и провожают меня к противоположному креслу за столом, усаживают. Сам же хозяин заведения, словно не замечая их цепких рук на мне, начинает тасовать карты с ловкостью фокусника. — Техасский холдем. Ты знаешь эту игру? — спрашивает хищник задумчиво, почти зевая. Ему явно скучно. Это то, что он словно бы проживал тысячу раз. Скольких же людей он вот так шантажировал? Лучше об этом не думать.

Я качаю головой, хотя это ложь. Отец научил меня играть в покер, когда мне было четырнадцать лет. Он говорил, что это игра логики и интуиции, что в ней нужно уметь читать людей, видеть их слабости. Я была хорошей ученицей. Мы играли по вечерам, когда мама еще была на работе, и отец учил меня не только правилам, но и стратегии, психологии игры. Немного, но и это станет для меня спасением.

Самое главное, никто здесь об этом не знает. И я не собираюсь им рассказывать.

— Каждому игроку раздаются две закрытые карты, — продолжает мистер Хаос, раздавая нам по две карты. — Это твои карты. Никому их не показывай. Потом будут открыты пять

общих карт на столе. Твоя задача — собрать лучшую комбинацию из семи карт: твоих двух и пяти общих.

Я беру свои карты и осторожно поднимаю уголок. Король пик и дама пик. Неплохое начало. Я кладу карты обратно, стараясь не выдать эмоций.

— Ставки? — спрашиваю я.

— Ставка — твоя свобода против моего великодушия, — говорит мистер Хаос, самодовольно ухмыляясь. Тут же ловлю себя на мысли, что хочется запустить что-то очень тяжелое в эту смазливую жестокую физиономию. — Если ты выиграешь, ты и твой брат уходите отсюда. Если проиграешь... ну, тогда ты остаешься здесь. Со мной. На неопределённый срок.

Холод пробегает по моей спине. Но я уже согласилась. *Отступить поздно.*

Мистер Хаос открывает первые три карты на столе. Это называется флоп. Туз пик, десятка пик, девятка пик. Мой пульс ускоряется. У меня уже четыре карты одной масти. Если на следующей карте выпадет ещё одна пика, у меня будет флэш. А если выпадет король или дама пик... нет, это уже невозможно, у меня уже король и дама в руке. Но флэш — это уже сильная комбинация.

— Ставка, — говорит мистер Хаос, положив на стол стопку фишек. Вальяжно, просто насмехаясь. Мы уже оба знаем, чем именно является ставка.

Я делаю ставку, стараясь выглядеть нервной. На самом деле я нервничаю, но не из-за игры. Я нервничаю из-за того, что понимаю: этот человек опасен. Очень опасен. Он не отпустит меня вот так просто, даже, если выиграю.

— Ты знаешь, Элис, — говорит мистер Хаос, разваливаясь в кресле еще больше и, забрасывая ногу на ногу, беря сигару, которая лежала в пепельнице на столе и делает длинную затяжку — я люблю смотреть на людей, когда они играют. Можно увидеть столько интересного. Их надежды, их страхи, их отчаяние. Ты, например, очень выразительная. — Выпускает дым сквозь губы и нос, смотрит необычайно серьезно.

Кладет сигару и берёт стакан с виски, делает глоток. Затем кивает на мой стакан, который стоит передо мной. Я не помню, когда его поставили. Наверное, когда я была в шоке от его предложения.

— Пей, — говорит он. — Это поможет тебе расслабиться.

Я беру стакан и послушно делаю маленький обманчивый глоток. Мою хитрость сразу замечают, но мистер Хаос лишь улыбается на это. Виски жжёт горло, но вкус... странный. Слегка сладковатый, с какой-то травяной ноткой. Я отодвигаю стакан, стараясь не показать своё беспокойство. Хорошо, что решила не пить этого пойла много.

— Четвёртая карта, — объявляет мистер Хаос, раздавая вновь.

Валет пик.

Я едва удерживаюсь, чтобы не вскрикнуть. У меня уже пять карт одной масти: король, дама, валет, десятка, туз пик. Это флэш-рояль. Лучшая комбинация в покере. *Я уже выиграла!* Но я не хочу показывать этого. Я должна выглядеть нервной, неуверенной. Я кусаю нижнюю губу и делаю небольшую ставку, словно я не совсем уверена в своих картах.

— Интересно. — Прищуривает глаза мистер Хаос, наблюдая за мной. — Ты что-то скрываешь, Элис? Я вижу это в твоих глазах. Небольшой блеск надежды. Или это просто отчаяние?

Я не отвечаю. Я просто смотрю на него, стараясь выглядеть испуганной. И я почти не лукавлю, ведь на самом деле напугана, хоть и не из-за игры.

— Последняя карта, — говорит мистер Хаос, раздавая.

Это король червей. Не пика, но это не имеет значения. У меня уже есть флэш-рояль пик. *Это победа. Это моя свобода.*

Мистер Хаос делает большую ставку. Я вижу, как его глаза мерцают в полумраке, словно в них горит какой-то странный огонь. Он улыбается, и я вижу его зубы — они кажутся острее, чем раньше. Но это, наверное, просто игра света. Мотаю чуть головой, пытаюсь стряхнуть воз-

можную галлюцинацию. Снова сомневаюсь в своем психическом состоянии, но быстро подбадриваю себя: *«Скоро все закончится. Это все скоро закончится.»*

Мистер хаос смотрит на меня вопросительно, кажется я снова случайно высказала свою мысль вслух, как это часто со мной бывало. «Черт Держись, Элис. Ты безумная девчонка, но должна попридержаться свое безумие. Хотя бы до выигрыша.»

— Ставлю всё, — говорю я, толкая все свои фишки на стол с кривой усмешкой. Игры с фишками — фарс. Он знает это.

Мистер Хаос смотрит на меня долгое время. Потом он тоже толкает все свои фишки на стол.

— Открывай, — почти приказывает он.

Я медленно переворачиваю свои карты. Король пик и дама пик. Вместе с картами на столе это дает мне флэш-рояль пик: туз, король, дама, валет, десятка пик. Я чувствую облегчение, которое захлестывает меня волной. Я выиграла. Я выиграла! Алекс свободен. Мы оба свободны!

Но потом мистер Хаос начинает смеяться. Это не обычный смех. Это смех, который звучит как разбивающееся стекло, как треск надежд, как крик птицы, которую режут живьём. Это смех, который заполняет весь зал и заставляет других игроков замолчать и посмотреть на нас. Я смотрю на него в замешательстве. Что смешного? Я выиграла. Это факт. Карты не лгут. Мистер Хаос смотрит, всё ещё смеясь. Потом он медленно переворачивает свои карты.

Туз пик, король пик, дама пик, валет пик, десятка пик. Флэш-рояль пик!

Те же карты. Я смотрю на свои карты, потом на его, потом на те, что лежат на столе. Это невозможно. Это просто невозможно! В одной колоде не может быть двух одинаковых карт! Я быстро поднимаю свои карты и смотрю на них ещё раз. *Дама червей, валет треф, десятка треф, десятка червей... смотреть больше нет сил.* Мои карты изменились. Холод пробегает по спине. Это не просто холод — это ледяной страх, который парализует. Я смотрю на свой стакан с виски. На мои карты. На мистера Хаоса. Это не просто мухлёж. Это что-то другое. Что-то невозможное...

Мистер Хаос встаёт и медленно подходит ко мне. Его движения неспешны, почти ленивы. Глаза мерцают в полумраке, и я вижу, что они светятся. Светятся, как глаза животного в темноте. Его улыбка становится шире, и я вижу его зубы — они действительно острые. Очень острые. Почти как его клыки. Я резко встаю со своего места, опрокидывая стул, понимая, что должна бежать. Обязана выбраться отсюда. Что-то не так. *Что-то очень, очень не так!*

Начинаю бежать к двери, но один из гостей — высокий мужчина в костюме, который выглядит как король из колоды карт — подставляет мне подножку. Я падаю. Взгляд скользит по полу, и я вижу... я вижу... Отшатываюсь в ужасе. Гости больше не выглядят как люди. У них острые уши, торчащие из-под волос. У них когти вместо ногтей, длинные и изогнутые, как у хищников. И хвосты, которые извиваются позади них, как живые. Они действительно настоящие!. Их зубы — это не зубы, это клыки, острые и многочисленные, как у акул. А кожа имеет странный оттенок, почти как масть карт: красная, чёрная, белая. Их одежда выглядит как костюмы из колоды карт: король, королева, валет, десятка. Они смеются. Они смеются над мной, когда я лежу на полу, парализованная страхом.

Я слышу, как мистер Хаос подходит ко мне. Как его шаги звучат словно глухой цокот когтей ударяющихся о пол. Чувствую, как его рука хватается меня за ногу. Она холодная, и я чувствую когти, что впиваются в мою кожу.

— Нет! — кричу, пытаюсь вырваться, цепляюсь за ковровое покрытие на полу. Но все бес толку. — Отпустите меня! Помогите!

Но никто не приходит на помощь. Никто не спасает меня.

Мистер Хаос тащит меня по полу за ногу, юбка платья задралась, и он бросает короткий взгляд на мои бедра с пренебрежительной улыбкой. Его забавляет моя попытка найти спасение в этом месте, у этих людей. Не у людей вовсе.

Вижу, как передо мной открывается портал. Это не просто портал — это воронка, чёрная, круглая, как пасть какого-то космического чудовища. Из неё исходит холод и странный, пугающий синий слабый свет. Все в ней искажается как в черной дыре, которую именно так изображают в документальных фильмах про космос.

— Добро пожаловать в мой мир, Элис, — говорит мистер Хаос, и его голос звучит не как голос человека, а как голос древнего и ужасного существа. Довольного, словно нечто предвещающего.

Он забрасывает меня в портал. Не грубо и не бережно. Тот сам засасывает, поглощает меня. Я кричу. Я кричу так громко, как никогда в жизни! Мой крик разрывает воздух, разрывает мою грудь, разрывает мой разум. Я падаю в воронку, и она затягивает меня вниз, вниз, вниз, в бесконечную темноту

Я вижу вспышки света, вижу странные формы, вижу что-то, что может быть звёздами или может быть чем-то другим? Присматриваюсь и вижу — это часы, они повсюду! Их растягивает, тянет, искажает. Они исчезают, но появляются новые, с ними происходит все то же самое. И так бесконечно. Я падаю так быстро, что воздух свистит в ушах. Я падаю так быстро, что теряю ощущение времени и пространства. Опять громко кричу, срывая голос.

А потом...

Воронка выплёвывает меня. Я лечу высоко в воздухе, и передо мной открывается вид, который заставляет меня забыть о страхе на долю секунды.

Розы. Огромные, алые розы, как деревья, с лепестками размером с дом. Они растут из земли, покрытой чёрно-белой плиткой, которая образует странный узор — узор, похожий на шахматную доску. Я падаю прямо на один из бутонов, и мягкие лепестки смягчают мой удар. Я отскакиваю от него, как мячик, и приземляюсь на следующий бутон, который ниже. Потом на следующий. И на следующий. Каждый раз я отскакиваю, каждый раз я падаю ниже, каждый раз я вижу шипы, которые царапают мою кожу, мою одежду, мое лицо. Боль острая и реальная. *Это не сон. Это не галлюцинация.* Наконец падаю в глубину одного из бутонов, в его мягкое, влажное сердце принимает меня как свое дитя.

Я лежу там, дрожа, плача, не в состоянии понять, что со мной произошло. *Дышу. Дышу. Еще дышу, в попытке принять реальность. Ее невозможно осознать.* Я поднимаю глаза и вижу небо. Оно голубое, как небо в Лондоне, но более яркое, более насыщенное. Облака плывут медленно, неспешно.

Я осторожно выглядываю из бутона и вижу вокруг себя только розы. Огромные, алые розы с множеством шипов. Некоторые из них частично белые, но большинство алые, как кровь. Земля внизу покрыта чёрно-белой плиткой, которая образует тропинку, ведущую куда-то в глубину этой странной розовой чаши. Я смотрю на свои руки и вижу кровь. Мои руки испаряются шипами роз. Моё платье разорвано, мои ноги в синяках. Боль реальна. Кровь реальна. *Значит, этот мир — реален.*

Сильно зажмуриваюсь. Все вокруг напоминает мне сказку. Сказку о девочке, которая упала в кроличью нору и оказалась в Стране чудес. Я всегда любила эту сказку. Я читала её много раз, когда была маленькой. Мама читала её мне перед сном.

Но это не сказка. Это кошмар.

Сидя в глубине бутона розы, дрожа, теряю счет времени. Сколько вот так корчусь в своих мыслях, догадках, страхах? Пытаюсь понять, что со мной произошло. Где я? Как я сюда попала? Это всё реально? Или плод моего воображения? Я плачу. Я плачу так, как не плакала с момента похорон родителей. Слезы текут по моему лицу, смешиваясь с кровью, жаля

на нем царапины болью. Мой голос срывается, и я издаю звуки, которые даже не звучат по-человечески. Но потом я вспоминаю об Алексее. Мой брат. Мой младший глупый, наивный брат. Я согласилась остаться, чтобы спасти его. Я согласилась играть в покер, чтобы выиграть его свободу. Но я проиграла. Или выиграла? Я не понимаю, что произошло. Но я знаю одно: я должна выбраться отсюда. Я должна найти дорогу назад. Я должна вернуться к Алексу. У него нет никого кроме меня, а у меня нет никого, кроме него. В голове звучит голос матери: «Вы самые близкие люди друг у друга, Элис. Берегите это. Не отпускайте рук друг друга, и победите любые преграды. Всегда.»

Я вытираю слёзы рукой, оставляя на лице кровавые полосы. Делаю глубокий вдох и пытаюсь успокоиться. Мой разум работает медленно, как машина, которая долго не заводилась, но постепенно начинаю думать. Шестеренки в голове с треском крутятся, рождая хоть какие-то внятные идеи. Я должна выбраться из этого бутона. Я должна спуститься на землю. Я должна найти эту тропинку и следовать ей. Может быть, она приведёт меня в место, где смогу найти хоть какие-то вразумительные объяснения этому всему? Может быть, она приведёт меня домой? Начинаю медленно ползти по лепесткам розы, спускаюсь к ужасно колючему стволу или стеблю? Шагаю с одной крупной колючки на другую, стараясь избежать более мелких и самых острых шипов. Каждое движение причиняет боль. Каждый шип, задетый ногой или рукой по нечаянности, оставляет новую рану. Но я продолжаю. *Ради Алекса. Ради себя.*

Я должна выбраться отсюда. Должна

Вдруг голова начинает кружиться, оступаю и повисаю, цепляясь за шип розы, руки дрожат. Едва нахожу силы взобраться обратно. Слишком много сил потеряла. Слишком устала и напугана. Понимаю, что нужно дать себе отдохнуть хоть немного, чтобы не разбиться, сорвавшись вниз.

Вечер спускается на розовый лес медленно, как занавес, опускаемый над сценой. Свет становится золотистым, потом оранжевым, потом кровавым. Я сижу в бутоне огромной розы, прижимая колени к груди, и пытаюсь думать о лучшем. Несколько часов назад я была в клубе мистера Хаоса, а теперь... теперь я в каком-то сумасшедшем сне, который не может быть реальностью. Но боль в ладонях от шипов, которые я ранила, пока карабкалась, вновь подтверждает реальность происходящего. Выглядываю из укрытия, осматривая странный мир вокруг уже более спокойно, пытаюсь рассмотреть все вокруг, чтобы, когда выберусь, знать, куда идти. Гигантские розы возвышаются передо мной, словно небоскребы из плоти и шипов. Их лепестки размером с парус корабля, а стебли толстые, как стволы деревьев. Ветерок колышет яркие бутоны и за ними не видно ничего. Только бескрайнее море роз. Воздух насыщен запахом — сладким, почти удушающим. Где-то внизу, на земле, среди опавших лепестков Я замечаю её.

Девушка. Белокурая, хрупкая, совсем молодая — не старше двадцати лет на вид. Она сидит на куче розовых лепестков, как на подушках, и смотрит вокруг с таким же выражением ужаса и замешательства, которое, я уверена, читается и на моем лице. Её голубые глаза широко распахнуты, лицо красное от слез, светлые кудри растрепались. Она одета в белое короткое платье, похожее на мое, но более нежное, более невесомое. Я не раздумываю. Просто кричу:

— Эй! Ты там, внизу!

Девушка вздрагивает, словно её ударяют. Её голова резко поворачивается в мою сторону, и я вижу, как её лицо преобразуется при виде меня — от страха к облегчению, а потом она улыбается.

— Ты видишь меня? — крикнула она в ответ, вскакивая на ноги. — Я думала, я сошла с ума! Я думала, что это какой-то кошмар!

«Как хорошо тебя понимаю» — думаю про себя, опять замечая, что губы двигаются в такт мыслям.

— Спускайся! — кричит она.

Но я не могу и говорю ей об этом. Тогда мы решаем, что подождем до утра. Девушка перетаскивает под стебель моей розы себе пару лепестков и устраивается под ним.

— Меня зовут Элис, — наконец представляюсь я.

Девушка запрокидывает голову и я вижу, как её глаза расширяются.

— Меня... меня тоже зовут Элис, — шепчет она, тоже наверняка задумываясь о том, что это не похоже на простое совпадение.

Мы смотрим друг на друга в изумлении пару секунд.

— Откуда ты? — спрашиваю уже с опаской.

— Из Дублина. Я танцовщица. Балет, — Её ирландский акцент действительно очень заметен, а у меня что-то обрывается внутри. — Я готовилась к важному выступлению, и вдруг... вдруг я здесь. Где я? Что это за место?

— Я из Лондона. И тоже танцовщица. И я понятия не имею, где мы. Это не может быть реальностью. Это должен быть сон. Или... или я сошла с ума.

Ирландская Элис уже не удивляется, ее красивое лицо напротив, становится кукольно беспристрастным. Это кажется странным. Но я уже ничему не удивляюсь. Девушка напугана, как и я и имеет право на странности. Было странно — я только что встретила Элис, но она была единственным якорем к реальности в этом безумном мире. И она была такой же потерянной, как и я. Мне вдруг до боли в груди захотелось ее обнять. Именно это в первую очередь и решила сделать, когда спущусь вниз утром.

— Может быть, завтра мы сможем найти выход отсюда, — успокаиваю я ее, поддерживая хотя бы на расстоянии.

— Ты думаешь? — спрашивает она с надеждой в голосе.

— Обязательно, — отвечаю я, хоть и сама в это мало верю.

С наступлением ночи ирландская Элис устраивается спать на гряде розовых лепестков, которые мягче облака. Я знаю это и знаю, что они пахнут так интенсивно, что кажется, запах проникает прямо в мозг. В бутоне сейчас пахнет наверняка еще сильнее, чем у нее внизу. Стараюсь дышать ртом, ведь голова начинает болеть от этого аромата. Прижимаюсь к лепесткам, и пытаюсь уснуть. Место укромное, а усталость быстро завладевает сознанием. Но сон не приходит, лишь липкая вязкая дремота окутывает тело, которое все печет из-за многочисленных царапин. Ночь быстро опускается на розовый лес, и с ней приходит что-то ещё.

Я слышу ужасающий рев раньше, чем вижу. Звук глубокий, низкий, похожий на землетрясение или гром. Он заставляет мой позвоночник выгнуться от страха. Я выглядываю из бутона и замечаю, как в темноте колышутся стебли гигантских роз вдаль. Не от ветра. От чего-то, что движется сквозь них. Что-то, что наверняка огромных размеров, задевая вынуждает двигаться гигантские стебли. Следом я слышу крики. Думала, что хуже быть не может уже ничего, но оно случается. Замораживает мою кровь в жилах окончательно.

Девичьи крики. Истошные, полные ужаса и боли. Они доносятся издалека, но звучат так близко, как будто происходят прямо рядом со мной. Это звуки смерти. Мой желудок сжимается от тошноты на фоне голода и страха, ведь точно осознаю без тени сомнений — мы не одни в этом лесу. Здесь много девушек. И это что-то их убивает.

— Элис! — кричу, вспоминая о девушке внизу, стараясь говорить как можно тише, но достаточно громко, чтобы разбудить её. — Элис, просыпайся!

Ирландская Элис просыпается медленно, сначала не понимая, что происходит. Потом она слышит крики, как и я, и замирает от ужаса, прислушивается, обняв себя руками.

— Что это? — шепчет она.

— Не знаю. Но это близко. Очень близко.

Крики действительно становятся громче. Ближе. Я понимаю, что чудовище движется в нашу сторону. Каждый момент может быть последним.

— Взбирайся! — кричу я. — Быстро! — Времени на разговоры нет. Единственный способ спастись, скрыться в бутоне.

Ирландская Элис начинает карабкаться вверх по стеблю. Её руки дрожат, и она движется медленно, очень медленно. Шипы царапают её кожу, оставляя кровавые следы, но она не издает ни звука. Я вижу, что она понимает — шум может привлечь внимание чудовища. Делает осторожные шаги один за другим. Медленные, но тихие. Но она не успевает. Чудовище появляется из темноты так внезапно, что я едва верю своим глазам. Чёрное, как сама тень, огромное, мощное. Зверь напоминает смерч. Такое же быстрое. Это не животное и не человек. Это что-то совсем другое. Его силуэт размыт, словно оно состоит из самой темноты. Я вижу только его очертания — огромное тело, длинные конечности, острые и опасные шипы, торчащее из его спины.

Ирландская Элис замирает на стебле, её рука вытянута в попытке дотянуться до края бутона. Глаза девушки голубые, чистые как хрусталь, расширяются от ужаса. Она не издает ни звука. Чудовище заполняет пространство ревом, который заставляет мою кровь замерзнуть в жилах. Это не рык животного. Это звук древнего, голодного, безжалостного существа. Оно уже видит её. Рывок, и моя новая знакомая за доли секунды исчезает в черноте, тенях, жадном вопле. То ли своем, то ли в его.

Я не вижу, как именно оно её убивает. Темнота скрывает детали. Но я слышу. Я слышу её крик — короткий, пронзительный, полный боли и отчаяния. Я слышу звук чего-то рвущегося, хруста костей, хлюпанье.

А потом это нечто, что состоит из сплошной тьмы, отбрасывает тело девушки к стеблю, словно та превратилась в тряпичную куклу. Элис ударяется о ствол и цепляется за колючки одеждой. Она уже мертва. Скатывается вниз по стеблю, безвольным телом. Она приземляется на груды розовых лепестков, которые только что были её постелью. Теперь они стали ее последним убежищем.

Я не думаю. Просто действую, пока чудовище не обратило на меня внимания: забираюсь глубже в бутон, прижимаясь к его стенкам, стараясь стать невидимой, сжаться как можно сильнее. Мое дыхание порывистое, а потому зажимаю рот рукой, чтобы не выдать себя. Внизу чудовище издает победный рев. Оно ест. Я слышу хлюпающие звуки, которые никогда не смогу забыть. Звуки того, как моего единственного союзника в этом кошмаре просто пожирают, а я ничем не могу ей помочь.

Сидя в темноте, дрожа, вспоминаю все возможные молитвы, которым учили когда-то родители, только бы монстр не нашел меня. Умоляю себя проснуться, а когда понимаю вновь, что это вовсе не сон, мечтаю только о том, чтобы утро наступило поскорее. О том, чтобы это оказался просто ночной кошмар. Хоть и знаю, что это вовсе не он. Как и уже знаю, что я не единственная Элис, которая застряла в этом розовом аду.

Глава 3. Карты судьбы

Охрана тут же отпускает Алекса, когда соглашаюсь. Теперь он им ни к чему. Я буду платить за ошибки брата. Но Алекс не спешит уходить. Смотрит на меня растерянным, умоляющим взглядом.

— Иди домой и жди меня там. Достаточно с меня твоих выходов, — приказываю брату намеренно с некоторой злобой, чтобы оттолкнуть, не позволить ему задержаться здесь.

И Алекс быстро покупается на мою ложь. Кивает, опускает голову и спотыкаясь, идет к выходу. Я же с облегчением пропускаю сквозь губы тяжелый выдох. Мистер Хаос с широкой ухмылкой наблюдает за происходящим, за мной. В его взгляде я вижу впервые нечто человеческое. Одобрение? Гордость? Уважение? Я же готовлюсь к худшему. Что он собирается взять с меня, если денег нет и вряд ли появятся в ближайшее время? Тело? Свободу? Или один из моих органов? Я уже верю во все, что угодно. По этому человеку видно, что он способен на *все, что угодно*.

— Итак, Элис, — говорит мистер Хаос, снова возвращаясь к своему прежнему месту, вальяжно садится, откидываясь в кресле, — давай обсудим условия. Тридцать тысяч фунтов — это много. Но я человек, как уже говорил, справедливый. И сперва дам тебе шанс отыграться.

Я окидываю самоуверенного мерзавца тяжелым взглядом. Сердце колотится в груди как пташка в клетке, но я стараюсь выглядеть спокойной. Он мог бы просто отпустить меня. Но жалость определенно не его конек. Все эти его игры в благородство лишь громкая бравада на пути к моей гибели.

— Какой шанс? — спрашиваю я, хотя уже понимаю, что будет дальше.

— Сыграй со мной в покер, — говорит мистер Хаос, улыбаясь той самой хищной улыбкой. — Если выиграешь, долг Алекса аннулирован. Вы оба уходите отсюда свободными.

Я медленно выдыхаю, не веря ушам. Пару раз непонимающе моргаю. Это звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой. Но у меня нет выбора. Я не могу заработать тридцать тысяч фунтов. Я не могу оставить Алекса одного. Неизвестно на что способен этот мужчина, насколько влиятелен и просто сумасшедший. А может быть... может быть, мне повезет?

Нет. Не может быть. Но я должна попытаться.

— Я согласна, — говорю спокойно, утаивая козырь в рукаве.

Мистер Хаос кивает, и один из его людей приносит колоду карт. Новую, запечатанную. Охранник вскрывает её прямо передо мной, и я вижу, как карты распечатываются. Хорошо. По крайней мере, нет очевидного мухлеза. Пока.

— Правила простые, — объясняет мистер Хаос, пока его люди подходят и провожают меня к противоположному креслу за столом, усаживают. Сам же хозяин заведения, словно не замечая их цепких рук на мне, начинает тасовать карты с ловкостью фокусника. — Техасский холдем. Ты знаешь эту игру? — спрашивает хищник задумчиво, почти зевая. Ему явно скучно. Это то, что он словно бы проживал тысячу раз. Скольких же людей он вот так шантажировал? Лучше об этом не думать.

Я качаю головой, хотя это ложь. Отец научил меня играть в покер, когда мне было четырнадцать лет. Он говорил, что это игра логики и интуиции, что в ней нужно уметь читать людей, видеть их слабости. Я была хорошей ученицей. Мы играли по вечерам, когда мама еще была на работе, и отец учил меня не только правилам, но и стратегии, психологии игры. Немного, но и это станет для меня спасением.

Самое главное, никто здесь об этом не знает. И я не собираюсь им рассказывать.

— Каждому игроку раздаются две закрытые карты, — продолжает мистер Хаос, раздавая нам по две карты. — Это твои карты. Никому их не показывай. Потом будут открыты пять

общих карт на столе. Твоя задача — собрать лучшую комбинацию из семи карт: твоих двух и пяти общих.

Я беру свои карты и осторожно поднимаю уголок. Король пик и дама пик. Неплохое начало. Я кладу карты обратно, стараясь не выдать эмоций.

— Ставки? — спрашиваю я.

— Ставка — твоя свобода против моего великодушия, — говорит мистер Хаос, самодовольно ухмыляясь. Тут же ловлю себя на мысли, что хочется запустить что-то очень тяжелое в эту смазливую жестокую физиономию. — Если ты выиграешь, ты и твой брат уходите отсюда. Если проиграешь... ну, тогда ты остаешься здесь. Со мной. На неопределённый срок.

Холод пробегает по моей спине. Но я уже согласилась. *Отступить поздно.*

Мистер Хаос открывает первые три карты на столе. Это называется флоп. Туз пик, десятка пик, девятка пик. Мой пульс ускоряется. У меня уже четыре карты одной масти. Если на следующей карте выпадет ещё одна пика, у меня будет флэш. А если выпадет король или дама пик... нет, это уже невозможно, у меня уже король и дама в руке. Но флэш — это уже сильная комбинация.

— Ставка, — говорит мистер Хаос, положив на стол стопку фишек. Вальяжно, просто насмехаясь. Мы уже оба знаем, чем именно является ставка.

Я делаю ставку, стараясь выглядеть нервной. На самом деле я нервничаю, но не из-за игры. Я нервничаю из-за того, что понимаю: этот человек опасен. Очень опасен. Он не отпустит меня вот так просто, даже, если выиграю.

— Ты знаешь, Элис, — говорит мистер Хаос, разваливаясь в кресле еще больше и, забрасывая ногу на ногу, беря сигару, которая лежала в пепельнице на столе и делает долгую затяжку — я люблю смотреть на людей, когда они играют. Можно увидеть столько интересного. Их надежды, их страхи, их отчаяние. Ты, например, очень выразительная. — Выпускает дым сквозь губы и нос, смотрит необычайно серьезно.

Кладет сигару и берёт стакан с виски, делает глоток. Затем кивает на мой стакан, который стоит передо мной. Я не помню, когда его поставили. Наверное, когда я была в шоке от его предложения.

— Пей, — говорит он. — Это поможет тебе расслабиться.

Я беру стакан и послушно делаю маленький обманный глоток. Мою хитрость сразу замечают, но мистер Хаос лишь улыбается на это. Виски жжёт горло, но вкус... странный. Слегка сладковатый, с какой-то травяной ноткой. Я отодвигаю стакан, стараясь не показать своё беспокойство. Хорошо, что решила не пить этого пойла много.

— Четвёртая карта, — объявляет мистер Хаос, раздавая вновь.

Валет пик.

Я едва удерживаюсь, чтобы не вскрикнуть. У меня уже пять карт одной масти: король, дама, валет, десятка, туз пик. Это флэш-рояль. Лучшая комбинация в покере. *Я уже выиграла!* Но я не хочу показывать этого. Я должна выглядеть нервной, неуверенной. Я кусаю нижнюю губу и делаю небольшую ставку, словно я не совсем уверена в своих картах.

— Интересно. — Прищуривает глаза мистер Хаос, наблюдая за мной. — Ты что-то скрываешь, Элис? Я вижу это в твоих глазах. Небольшой блеск надежды. Или это просто отчаяние?

Я не отвечаю. Я просто смотрю на него, стараясь выглядеть испуганной. И я почти не лукавлю, ведь на самом деле я напугана, хоть и не из-за игры.

— Последняя карта, — говорит мистер Хаос, раздавая пятую карту.

Это король червей. Не пика, но это не имеет значения. У меня уже есть флэш-рояль пик. *Это победа. Это моя свобода.*

Мистер Хаос делает большую ставку. Я вижу, как его глаза мерцают в полумраке, словно в них горит какой-то странный огонь. Он улыбается, и я вижу его зубы — они кажутся острее, чем раньше. Но это, наверное, просто игра света. Мотаю чуть головой, пытаюсь стряхнуть воз-

можную галлюцинацию. Снова сомневаюсь в своем психическом состоянии, но быстро подбадриваю себя: *«Скоро все закончится. Это все скоро закончится.»*

Мистер хаос смотрит на меня вопросительно, кажется я снова случайно высказала свою мысль вслух, как это часто со мной бывало. *«Черт Держись, Элис. Ты безумная девчонка, но должна попридержаться свое безумие. Хотя бы до выигрыша.»*

— Ставлю всё, — говорю я, толкая все свои фишки на стол с кривой усмешкой. Игры с фишками — фарс. Он знает это.

Мистер Хаос смотрит на меня долгое время. Потом он тоже толкает все свои фишки на стол.

— Открывай, — почти приказывает он.

Я медленно переворачиваю свои карты. Король пик и дама пик. Вместе с картами на столе это дает мне флэш-рояль пик: туз, король, дама, валет, десятка пик. Я чувствую облегчение, которое захлестывает меня волной. Я выиграла. Я выиграла! Алекс свободен. Мы оба свободны!

Но потом мистер Хаос начинает смеяться. Это не обычный смех. Это смех, который звучит как разбивающееся стекло, как треск надежд, как крик птицы, которую режут живьём. Это смех, который заполняет весь зал и заставляет других игроков замолчать и посмотреть на нас. Я смотрю на него в замешательстве. Что смешного? Я выиграла. Это факт. Карты не лгут. Мистер Хаос встаёт со своего места, всё ещё смеясь. Потом он медленно переворачивает свои карты.

Туз пик, король пик, дама пик, валет пик, десятка пик. Флэш-рояль пик!

Те же карты. Я смотрю на свои карты, потом на его карты, потом на карты на столе. Это невозможно. Это просто невозможно! В одной колоде не может быть двух одинаковых карт! Я быстро поднимаю свои карты и смотрю на них ещё раз. *Дама червей, валет треф, десятка треф, десятка червей смотреть больше нет сил.* Мои карты изменились. Холод пробегает по моей спине. Это не просто холод — это ледяной страх, который парализует меня. Я смотрю на свой стакан с виски. На мои карты. На мистера Хаоса. Это не просто мухлёж. Это что-то другое. Что-то невозможное

Мистер Хаос встаёт и медленно подходит ко мне. Его движения неспешны, почти ленивы. Глаза мерцают в полумраке, и я вижу, что они светятся. Светятся, как глаза животного в темноте. Его улыбка становится шире, и я вижу его зубы — они действительно острые. Очень острые. Почти как его клыки. Я резко встаю со своего места, опрокидывая стул, понимая, что должна бежать. Обязана выбраться отсюда. Что-то не так. *Что-то очень, очень не так!*

Подрываюсь с места резко. Начинаю бежать к двери, но один из гостей — высокий мужчина в костюме, который выглядит как король из колоды карт — подставляет мне подножку. Я падаю. Взгляд скользит по полу, и я вижу... я вижу... Отшатываюсь в ужасе. Гости больше не выглядят как люди. У них острые уши, торчащие из-под волос. У них когти вместо ногтей, длинные и изогнутые, как у хищников. У них хвосты, которые извиваются позади них, как живые существа. Их зубы — это не зубы, это клыки, острые и многочисленные, как у акулы. Их кожа имеет странный оттенок, почти как масть карт: красная, чёрная, белая. Их одежда выглядит как костюмы из колоды карт: король, королева, валет, десятка. Они смеются. Они смеются над мной, когда я лежу на полу, парализованная страхом.

Я слышу, как мистер Хаос подходит ко мне. Я слышу его шаги, которые звучат как глухой цокот когтей ударяющихся о пол. Чувствую, как его рука хватается меня за ногу. Его рука холодная, и я чувствую когти, которые впиваются в мою кожу.

— Нет! — кричу я, пытаюсь вырваться, цепляюсь за ковровое покрытие на полу. — Отпустите меня! Помогите!

Но никто не приходит на помощь. Никто не спасает меня.

Мистер Хаос тащит меня по полу за ногу, юбка платья задралась, и он бросает короткий взгляд на мои бедра с пренебрежительной улыбкой. Его забавляет моя попытка найти спасение в этом месте, у этих людей. Не у людей вовсе.

Вижу, как передо мной открывается портал. Это не просто портал — это воронка, чёрная, круглая, как пасть какого-то космического чудовища. Из неё исходит холод и странный, пугающий синий слабый свет. Все в ней искажается как в черной дыре, которую именно так изображают в документальных фильмах про космос.

— Добро пожаловать в мой мир, Элис, — говорит мистер Хаос, и его голос звучит не как голос человека, а как голос древнего и ужасного существа. Довольного, словно нечто предвещающего.

Он забрасывает меня в портал. Не грубо и не бережно. Тот сам засасывает, поглощает меня. Я кричу. Я кричу так громко, как никогда в жизни! Мой крик разрывает воздух, разрывает мою грудь, разрывает мой разум. Я падаю в воронку, и она затягивает меня вниз, вниз, вниз, в бесконечную темноту

Я вижу вспышки света, вижу странные формы, вижу что-то, что может быть звёздами или может быть чем-то другим? Присматриваюсь и вижу — это часы, они повсюду! Их растягивает, тянет, искажает. Они исчезают, но появляются новые, с ними происходит все то же самое. И так бесконечно. Я падаю так быстро, что воздух свистит в ушах. Я падаю так быстро, что теряю ощущение времени и пространства. Опять громко кричу, срывая голос.

А потом...

Воронка выплёвывает меня. Я лечу высоко в воздухе, и передо мной открывается вид, который заставляет меня забыть о страхе на долю секунды.

Розы. Огромные, алые розы, как деревья, с лепестками размером с дом. Они растут из земли, покрытой чёрно-белой плиткой, которая образует странный узор — узор, похожий на шахматную доску. Я падаю прямо на один из бутонов, и мягкие лепестки смягчают мой удар. Я отскакиваю от него, как мячик, и приземляюсь на следующий бутон, который ниже. Потом на следующий. И на следующий. Каждый раз я отскакиваю, каждый раз я падаю ниже, каждый раз я вижу шипы, которые царапают мою кожу, мою одежду, мое лицо. Боль острая и реальная. *Это не сон. Это не галлюцинация.* Наконец падаю в глубину одного из бутонов, в его мягкое, влажное сердце принимает меня как свое дитя.

Я лежу там, дрожа, плача, не в состоянии понять, что со мной произошло. *Дышу. Дышу. Еще дышу, в попытке принять реальность. Ее невозможно осознать.* Я поднимаю глаза и вижу небо. Оно голубое, как небо в Лондоне, но более яркое, более насыщенное. Облака плывут медленно, неспешно.

Я осторожно выглядываю из бутона и вижу вокруг себя только розы. Огромные, алые розы с множеством шипов. Некоторые из них частично белые, но большинство алые, как кровь. Земля внизу покрыта чёрно-белой плиткой, которая образует тропинку, ведущую куда-то в глубину этой странной розовой чаши. Я смотрю на свои руки и вижу кровь. Мои руки испаряются шипами роз. Моё платье разорвано, мои ноги в синяках. Боль реальна. Кровь реальна. *Значит, этот мир — реален.*

Сильно зажмуриваюсь. Все вокруг напоминает мне сказку. Сказку о девочке, которая упала в кроличью нору и оказалась в Стране чудес. Я всегда любила эту сказку. Я читала её много раз, когда была маленькой. Мама читала её мне перед сном.

Но это не сказка. Это кошмар.

Сидя в глубине бутона розы, дрожа, теряю счет времени. Сколько вот так корчусь в своих мыслях, догадках, страхах? Пытаюсь понять, что со мной произошло. Где я? Как я сюда попала? Это всё реально? Или плод моего воображения? Я плачу. Я плачу так, как не плакала с момента похорон родителей. Слезы текут по моему лицу, смешиваясь с кровью, жаля

на нем царапины болью. Мой голос срывается, и я издаю звуки, которые даже не звучат по-человечески. Но потом я вспоминаю об Алексее. Мой брат. Мой младший глупый, наивный брат. Я согласилась остаться, чтобы спасти его. Я согласилась играть в покер, чтобы выиграть его свободу. Но я проиграла. Или выиграла? Я не понимаю, что произошло. Но я знаю одно: я должна выбраться отсюда. Я должна найти дорогу назад. Я должна вернуться к Алексу. У него нет никого кроме меня, а у меня нет никого, кроме него. В голове звучит голос матери: «Вы самые близкие люди друг у друга, Элис. Берегите это. Не отпускайте рук друг друга, и победите любые преграды. Всегда.»

Я вытираю слёзы рукой, оставляя на лице кровавые полосы. Делаю глубокий вдох и пытаюсь успокоиться. Мой разум работает медленно, как машина, которая долго не заводилась, но постепенно начинаю думать. Шестеренки в голове с треском крутятся, рождая хоть какие-то внятные идеи. Я должна выбраться из этого бутона. Я должна спуститься на землю. Я должна найти эту тропинку и следовать ей. Может быть, она приведёт меня в место, где смогу найти хоть какие-то вразумительные объяснения этому всему? Может быть, она приведёт меня домой? Начинаю медленно ползти по лепесткам розы, спускаюсь к ужасно колючему стволу или стеблю? Шагаю с одной крупной колючки на другую, стараясь избежать более мелких и самых острых шипов. Каждое движение причиняет боль. Каждый шип, задетый ногой или рукой по нечаянности, оставляет новую рану. Но я продолжаю. *Ради Алекса. Ради себя.*

Я должна выбраться отсюда. Должна

Вдруг голова начинает кружиться, оступаю и повисаю, цепляясь за шип розы, руки дрожат. Едва нахожу силы взобраться обратно. Слишком много сил потеряла. Слишком устала и напугана. Понимаю, что нужно дать себе отдохнуть хоть немного, чтобы не разбиться, сорвавшись вниз.

Вечер спускается на розовый лес медленно, как занавес, опускаемый над сценой. Свет становится золотистым, потом оранжевым, потом кровавым. Я сижу в бутоне огромной розы, прижимая колени к груди, и пытаюсь думать о лучшем. Несколько часов назад я была в клубе мистера Хаоса, а теперь... теперь я в каком-то сумасшедшем сне, который не может быть реальностью. Но боль в ладонях от шипов, которые я ранила, пока карабкалась, вновь подтверждает реальность происходящего. Выглядываю из укрытия, осматривая странный мир вокруг уже более спокойно, пытаюсь рассмотреть все вокруг, чтобы, когда выберусь, знать, куда идти. Гигантские розы возвышаются передо мной, словно небоскребы из плоти и шипов. Их лепестки размером с парус корабля, а стебли толстые, как стволы деревьев. Ветерок колышет яркие бутоны и за ними не видно ничего. Только бескрайнее море роз. Воздух насыщен запахом — сладким, почти удушающим. Где-то внизу, на земле, среди опавших лепестков Я замечаю её.

Девушка. Белокурая, хрупкая, совсем молодая — не старше двадцати лет на вид. Она сидит на куче розовых лепестков, как на подушках, и смотрит вокруг с таким же выражением ужаса и замешательства, которое, я уверена, читается и на моем лице. Её голубые глаза широко распахнуты, лицо красное от слез, светлые кудри растрепались. Она одета в белое короткое платье, похожее на мое, но более нежное, более невесомое. Я не раздумываю. Просто кричу:

— Эй! Ты там, внизу!

Девушка вздрагивает, словно её ударяют. Её голова резко поворачивается в мою сторону, и я вижу, как её лицо преобразуется при виде меня — от страха к облегчению, а потом она улыбается.

— Ты видишь меня? — крикнула она в ответ, вскакивая на ноги. — Я думала, что сошла с ума! Я думала, что это какой-то кошмар!

«Как хорошо тебя понимаю» — думаю про себя, опять замечая, что губы двигаются в такт мыслям.

— Спускайся! — кричит она.

Но я не могу и говорю ей об этом. Тогда мы решаем, что подождем до утра. Девушка перетаскивает под стебель моей розы себе пару лепестков и устраивается на них.

— Меня зовут Элис, — наконец представляюсь я.

Девушка запрокидывает голову и я вижу, как её глаза расширяются.

— Меня... меня тоже зовут Элис, — шепчет она, наверняка задумываясь о том, что это не похоже на простое совпадение.

Мы смотрим друг на друга в изумлении пару секунд.

— Откуда ты? — спрашиваю уже с опаской.

— Из Дублина. Я танцовщица. Балет, — Её ирландский акцент действительно очень заметен, а у меня что-то обрывается внутри. — Я готовилась к важному выступлению, и вдруг... вдруг я здесь. Где я? Что это за место?

— Я из Лондона. И тоже танцовщица. И я понятия не имею, где мы. Это не может быть реальностью. Это должен быть сон. Или... или я сошла с ума.

Ирландская Элис уже не удивляется, ее красивое лицо напротив, становится кукольно беспристрастным. Это кажется странным. Но я уже ничему не удивляюсь. Девушка напугана, и имеет право на странности.

Было странно — я только что встретила Элис, но она была единственным якорем к реальности в этом безумном мире. И она была такой же потерянной, как и я. Мне вдруг до боли в груди захотелось ее обнять. Именно это в первую очередь и решила сделать, когда спущусь вниз утром.

— Может быть, завтра мы сможем найти выход отсюда, — успокаиваю я ее, поддерживая хотя бы на расстоянии.

— Ты думаешь? — спрашивает она с надеждой в голосе.

— Обязательно, — отвечаю я, хоть и сама в это мало верю.

С наступлением ночи Элис устраивается спать на груди розовых лепестков, которые мягче облака. Они пахнут так интенсивно, что кажется, запах проникает прямо в мозг. В бутоне сейчас пахнет наверняка еще сильнее, чем у нее внизу. Стараюсь дышать ртом, ведь голова начинает болеть от этого аромата. Прижимаюсь к лепесткам, и пытаюсь уснуть. Место укромное, а усталость быстро завладевает сознанием. Но сон не приходит, лишь липкая вязкая дремота окутывает тело, которое все печет из-за многочисленных царапин. Ночь быстро опускается на розовый лес, и с ней приходит что-то ещё.

Я слышу ужасающий рев раньше, чем вижу. Звук глубокий, низкий, похожий на землетрясение или гром. Он заставляет мой позвоночник выгнуться от страха. Я выглядываю из бутона и замечаю, как в темноте колышутся стебли гигантских роз вдали. Не от ветра. От чего-то, что движется сквозь них. Что-то, что наверняка огромных размеров, раз задевая, вынуждает двигаться гигантские стебли. Следом я слышу крики. Думала, что хуже быть не может уже ничего, но оно случается. Замораживает мою кровь в жилах окончательно.

Девичьи крики. Истошные, полные ужаса и боли. Они доносятся издалека, но звучат так близко, как будто происходят прямо рядом со мной. Это звуки смерти. Мой желудок сжимается от тошноты на фоне голода и страха, ведь точно осознаю без тени сомнений — мы не одни в этом лесу. Здесь много девушек. И это что-то их убивает.

— Элис! — кричу, вспоминая о девушке внизу, стараясь говорить как можно тише, но достаточно громко, чтобы разбудить её. — Элис, просыпайся!

Ирландская Элис просыпается медленно, сначала не понимая, что происходит. Потом она слышит крики, как и я, и замирает от ужаса, прислушивается, обняв себя руками.

— Что это? — шепчет она.

— Не знаю. Но это близко. Очень близко.

Крики действительно становятся громче. Ближе. Я понимаю, что чудовище движется в нашу сторону. Каждый момент может быть последним.

— Взбирайся! — кричу я. — Быстро! — Времени на разговоры нет. Единственный способ спастись, скрыться в бутоне.

Элис начинает карабкаться вверх по стеблю. Её руки дрожат, и она движется медленно, очень медленно. Шипы царапают её кожу, оставляя кровавые следы, но она не издает ни звука. Я вижу, что она понимает — шум может привлечь внимание чудовища. Делает осторожные шаги один за другим. Медленные, но тихие. Но она не успевает. Чудовище появляется из темноты так внезапно, что я едва верю своим глазам. Чёрное, как сама тень, огромное, мощное. Зверь напоминает смерч. Такое же быстрое. Это не животное и не человек. Это что-то совсем другое. Его силуэт размыт, словно оно состоит из самой темноты. Я вижу только его очертания — огромное тело, длинные конечности, острые и опасные шипы, торчащее из его спины.

Ирландская Элис замирает на стебле, её рука вытянута в попытке дотянуться до края бутона. Глаза девушки голубые, чистые как хрусталь, расширяются от ужаса. Она не издает ни звука. Чудовище заполняет пространство ревом, который заставляет мою кровь замерзнуть в жилах. Это не рык животного. Это звук древнего, голодного, безжалостного существа. Оно уже видит её. Рывок, и моя новая знакомая за доли секунды исчезает в черноте, тенях, жадном вопле. То ли своем, то ли в его.

Я не вижу, как именно оно её убивает. Темнота скрывает детали. Но я слышу. Я слышу её крик — короткий, пронзительный, полный боли и отчаяния. Я слышу звук чего-то рвущегося, хруста костей, хлюпанье.

А потом это нечто, что состоит из сплошной тьмы, отбрасывает тело девушки к стеблю, словно та превратилась в тряпичную куклу. Элис ударяется о ствол и цепляется за колючки одеждой. Она уже мертва. Скатывается вниз по стеблю, безвольным телом. Она приземляется на груды розовых лепестков, которые только что были её постелью. Теперь они стали её последним убежищем.

Я не думаю. Просто действую, пока чудовище не обратило на меня внимания: забираюсь глубже в бутон, прижимаясь к его стенкам, стараясь стать невидимой, сжаться как можно сильнее. Мое дыхание порывистое, а потому зажимаю ро

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.